
ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ «КАТЕРИНА»

1

Некрасов и фольклор» — одна из любимых тем советского литературоведения. Ей посвящено много работ. Но почти во всех этих работах изучается лишь связь с фольклором эпопеи «Кому на Руси жить хорошо» и — в незначительной мере — двух других крестьянских поэм — «Коробейники» и «Мороз, Красный нос». Только в одной работе — статье Н. П. Андреева «Фольклор в поэзии Некрасова»¹ — материал взят шире. Здесь, в частности, две страницы посвящены циклу «Песни», опубликованному Некрасовым в 1868—1869 годах.

В стихотворениях этого цикла Некрасов, по словам исследователя, «создает свои собственные, оригинальные произведения, но тип этих произведений фольклорный; получается своего рода стилизация народных песен».² Фольклорный характер создается стихотворными размерами, близкими к фольклорным песням, «многочисленными повторениями различного типа (например, в песнях «У людей-то в дому...», «Катерина», «Сват и жених»), параллельными синтаксическими оборотами, употреблением фольклорных стилистических приемов, употреблением слов и форм, характерных для живой крестьянской речи и для фольклорных произведений».³ «Фольклор отчасти подсказывает автору темы (отчасти

¹ «Лит. учеба», 1936, № 7, с. 60—85. Цитаты из этой статьи далее приводятся по перепечатке в сб.: Некрасов в русской критике. М., 1944, с. 158—182.

² Некрасов в русской критике, с. 162.

³ Там же, с. 163.

потому... что темы эти существовали в самой жизни)».

По близости к фольклору исследователь выделяет в этом цикле стихотворение «Катерина»: «...песенность «Катерины» настолько велика, что произведение это стало действительной песней и вошло в широкий песенный обиход». ² Но на чем основана особая близость к фольклору этого стихотворения — исследователь не уточняет; специально «Катерине» посвящен лишь один абзац его статьи, где стихотворение рассматривается в тематическом плане:

«В песне «Катерина» тема семейной жизни взята в обычном для фольклорных песен аспекте: жена страдает в браке с нелюбимым и лихим мужем-пьяницей. Это одна из излюбленных тем семейно-бытового характера, но развивает ее Некрасов самостоятельно». ³

В сноске Н. П. Андреев указывает на аналогичные темы народных песен по собранию Соболевского: «т. II, №№ 113—115, 138—140, 399—405, 413—427 и мн. др.». Указанные песни сходны с «Катериной» лишь в том, что в них замужня женщина жалуется на мужа-пьяницу; таких песен в фольклоре действительно немало. Но жалобы Катерины — не просто лирический, ни к кому не обращенный монолог; они даны в конкретной сюжетной ситуации, обращены к брату, родителям и соседям и встречают со стороны всех собеседников однообразный совет: «Потерпи, родная», «Потерпи, сестрица!».

Песни с сюжетом «Катерины», так своеобразно и четко развитым в стихотворении, мы в фольклоре не найдем. Но это не снимает вопроса о том, нет ли народных песен, более близких к стихотворению Некрасова, чем указанные Н. П. Андреевым. Действительно, в том же втором томе собрания Соболевского, откуда Н. П. Андреев почерпнул свои параллели к «Катерине», есть песня, в которой женские жалобы на семейную жизнь обращены к брату; брат в ответ советует сестре смириться и терпеть; при этом он употребляет те самые слова, которым придано центральное значение в стихотворении Некрасова: «Потерпи, сестрица, потерпи, родная!».

Я имею в виду песню «Взойди, взойди, солнце, не низ-

¹ Там же, с. 162.

² Там же, с. 163.

³ Там же, с. 162.

ко, высоко», помещенную во втором томе собрания Соболевского в пяти редакциях, под №№ 566—570.¹ Правда, упомянутый стих «Потерпи, сестрица, потерпи, родная» мы находим в позднейших записях 80-х годов; в записи, опубликованной ранее написания «Катерины», дан текст: «Потерпи, моя сестрица, потерпи, моя родима». Однако мы можем утверждать, что стих «Потерпи, сестрица, потерпи, родная» был Некрасову к моменту написания «Катерины» не только известен, но и памятен.

2

В середине 1856 года начал выходить славянофильский журнал «Русская беседа». С первой книжкой этого журнала Некрасов внимательно ознакомился: как известно, в стихотворении «Зеленый Шум» он использовал материал помещенной в этой книжке статьи этнографа М. А. Максимовича «Дни и месяцы украинского селянина».²

Из статей, вошедших в первый номер «Русской беседы», наибольший интерес в литературном мире вызвала статья одного из издателей журнала, Тертия Филиппова, о драме Островского «Не так живи, как хочется». Филиппов воспользовался новой пьесой Островского для атаки на взгляды демократических писателей по вопросам свободы чувства, свободы брака и женской эмансипации. Их воззрения он объявляет «западными» и все произведения, в которых отстаиваются свобода и равенство в отношениях между мужчиной и женщиной, считает порождением Жорж Санд. Эта писательница, по его мнению, отвечает и за порчу самих нравов как пропагандистка женской свободы в любви. «С именем этой женщины связано столько зла,— восклицает Филиппов,— что говорить об ее достоинствах приходится с большой осторожностью».³ И противопоставляет им «русскую точку зрения», которая отождествляется с православным религиозным учением: «Наш народный быт устроен совершенно на основании православных

¹ Великорусские народные песни. Изданы проф. А. И. Соболевским. СПб., 1896, т. 2, с. 475—479.

² См.: Абрамов И. С. Происхождение стихотворения Некрасова «Зеленый Шум». — «Звенья», V, М.—Л., 1935, с. 476—477.

³ Филиппов Т. «Не так живи, как хочется». Народная драма в трех действиях. Соч. А. Н. Островского. — «Русская беседа», 1856, кн. 1, с. 87.

мнений, все жизненные отношения, а в том числе и семейные, обсуждаются у нас в народе совершенно своеобразно с учением церковным».¹

Ратую за нерушимость благословенного богом брака, за подчинение чувства сознанию христианского долга, Филиппов привлекает на помощь фольклор. В ту пору славянофилы были еще почти монополистами в области собирания и изучения фольклора и эксплуатировали собранный ими материал, стремясь доказать, что русскому народу присущи те добродетели, которыми они его наделили: прежде всего религиозность и смирение.

В данном случае Т. И. Филиппов пытается опереться на упомянутую выше песню «Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко», цитируя ее, видимо, по собственной записи.

«Есть у нас в народе, — пишет он, — песня, которую всякий может слышать и поныне, если час-другой постоит около любого хоровода. Она начинается так:

Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко!
Зайди, зайди, братец, ко сестрице в гости!

Содержание песни такое: сестра, отданная замуж в недобрую семью, просит брата проведать ее и помочь ей советом в ее тяжелом и одиноком положении.

Спроси, спроси, братец, про ее здоровье!
У меня ли, братец, есть четыре горя,
Есть четыре горя, пятая кручина:
Как первое горе — свекор-то бранчивый,
А второе горе — свекры² ворчалива,
Как третье горе — деверек насмешник,
Четвертое горе — золовка смутьянка,
Пятая кручина — муж жену не любит.

Что же делает в этом положении русская женщина, оскорбленная, как показывает песня, во всех своих правах, во всех самых естественных чувствах? Восстает ли она против ниспосланной судьбы? Нет! Тени этого намерения не видно в песне. Клянет ли она по крайней мере своих мучителей и с ними свою судьбу, совершенно ничем не заслуженную? Тоже нет! Посмотрите, как просто и кротко, можно сказать, спокойно она говорит о своем несчастье; мужу не придала даже никакого прилагательного. Страдает ли она? Конечно; но что же она

¹ Там же, с. 87.

² Древняя форма слова: свекровь (примеч. Т. Филиппова).

позволяет себе в своем страдании? Какую страду? Одну тихую жалобу, обращенную к брату, и, кроме брата, ее жалобы, наверно, уж никто не услышит. Чужие люди и злые соседи если и узнают об ее несчастье, так уж верно не от нее. Я не знаю, как кому, а мне эта кроткая покорность судьбе, которой переменить нельзя, нарушив того, что святее всякого личного чувства, представляется трогательнейшею чертою, умиляющею до слез. Что же отвечает брат? Возмутил ли, по крайней мере, он ее покорность, а вместе с тем и мир совести? Стал ли он раскрывать ей силу ее прав? Одним словом, растравил ли он еще более рану ее сердца, как бы сделал непременно всякий брат, который польстил бы минутно ее оскорбленному чувству, изобразив ей яркими чертами несправедливость к ней мужа и поругание ее прав? Нет! Брат не растерялся ни от множества сестриногоря, ни от тайного, неуловимого желанья блеснуть силой своего участия; сохраняя полную ясность невозмущенного ума, которую дает только истинное внимание к чужому делу и желание помочь ему (иначе: истинная любовь), он обозрел ее положение и посоветовал трудное, но лучшее:

*
Потерпи, сестрица! потерпи, родная!

Сколько в этих словах любви! Какой честный, не льстивый, исполненный истинного и прозорливого участия совет! Ведь можно бы и иначе было посоветовать: брось! уйди! или что-нибудь в этом роде. И это показалось бы, может быть, на первых порах любовью и самой сестре! Но какая безумная, если не преступная, любовь! Будто тот нам друг, кто помогает падать, а не тот, кто во время изнеможения поддерживает нас на ногах? Ну, пусть бы она ушла, что же бы из нее вышло? Ни вдова, ни мужняя жена, каких — увы! — довольно в наше время. Но неужели век страдать и не ждать ниоткуда отрады? В чем же пройдет жизнь? Это не наше дело; мы не сами собой получили жизнь и не сами собой распоряжаемся своими обстоятельствами. Наше дело — идти своей дорогой, не сбиваясь с пути добродетели и долга; а там что будет, не узнаешь, да и не нужно; пошлетя счастье — благодари, пошлетя горе — терпи! Вот все правила для устройства обстоятельств нашей жизни».

¹ Филиппов Т. Указ. ст., с. 88—89.

На статью Т. Филиппова отозвались и либерально-западнические в ту пору «Русский вестник» и «Отечественные записки», и революционно-демократический «Современник». В «Русском вестнике» Ф. М. Дмитриев доказывал, что отдельно взятая песня — не свидетельство народного мнения, что можно привести много других песен — и в том числе опубликованных в том же первом номере «Русской беседы», — в которых выразилось совсем иное отношение к вопросам семьи и брака, что, собственно, и в ту песню, которую приводит Филиппов, он насильно втиснул славянофильскую мораль, ибо совет брата «потерпеть» основан не на «покорности божественной воле провидения», а на «житейских соображениях или расчетах», что видно из дальнейших слов песни. С другой стороны, неправомерно судить о нравах всех в совокупности западных стран, «за современные требования века признав те мысли, которые выражала в некоторых своих романах Жорж Санд».¹

Приблизительно то же пишет анонимный рецензент «Отечественных записок». Он особенно нападает на умиление советом брата: «Потерпи, сестрица, потерпи, родная». «Совет брата, — пишет он, — обличающий самую безнравственную апатию, которая в годину бедствий чешет себе затылок и крепка задним умом, дорог для его (Филиппова. — Б. Б.) нравственной философии как орудие, служащее к образованию женского идеала».²

Чернышевский в «Современнике» посвятил статье Филиппова целый иронический абзац.

«...Не будем говорить — пишет он, — о статье г. Филиппова, называющей грехом все, что происходит в мире не по правилу, предлагаемому стихом из одной русской песни:

Потерпи, сестрица, потерпи, родная!

{...} С г. Филипповым мы можем соглашаться только в двух пунктах: в том, что терпение — прекрасное качество, и в том, что смирение — высокая добродетель».

¹ Ф. Д [митриев]. Несколько слов по поводу статьи г. Филиппова в «Русской беседе». — «Русский вестник», 1856, т. 3, май, кн. 2, с. 149—151. (Криптоним раскрыт в «Жизни и трудах М. П. Погодина» Н. П. Барсукова. СПб., 1901, т. 15, с. 187.)

² Литературные и журнальные заметки. — «Отеч. зап.», 1856, т. 107, июль, с. 51. Ср. сходные отзывы в «Сыне отечества» (1856, № 11, с. 230), в «С.-Петербургских ведомостях» (1856, № 130).

тель; но так как эти вопросы принадлежат не литературе, а законам благоустройства и благочиния, то можно, пожалуй, сказать, что мы с ним не сходимся ровно ни в чем, когда речь идет о литературе».¹

Отклик Чернышевского несколько встревожил Некрасова: он боялся, не сорвалось бы из-за резкости Чернышевского налаживавшееся сотрудничество в «Современнике» Островского. Тем не менее ни на какие уступки в сфере идеологии, ради чьего бы то ни было сотрудничества, Некрасов идти не собирався. 16 июня 1856 года он пишет Боткину:

«Явился Григорович. В числе разных сплетен он сообщил, что Островский будто ужасно сердит за резкое мнение о Филиппове. Напиши, в какой степени это справедливо. Однако если и так, то я все-таки скажу, что «Современник» — по крайней мере пока я в нем — не будет холопом своих сотрудников, как бы они даровиты ни были. Начни вникать, кто кому друг, так зайдешь черт знает куды» (10, 279).

Статья Филиппова не скоро забылась, в особенности в той части, где приводится и комментируется народная песня. Добролюбов в «Темном царстве» (1859) напомнил «о диком безобразии этой статьи, проповедующей, что жена должна с готовностью подставлять спину бьющему ее пьяному мужу». «В публике статья эта была встречена общим негодованием», — добавляет Добролюбов.² В статье «Черты для характеристики русского простонародья» (1860) Добролюбов пишет: «...при всех искажениях крестьянского развития мы видим в народных массах наших много того, что мы назвали «деликатностью». (...) Смирение, покорность, терпение, самопожертвование и прочие свойства, воспеваемые в нашем народе профессором Шевыревым, Тertiем Филипповым и другими славянофилами того же закала, составляют жалкое и безобразное искажение этого прекрасного свойства деликатности».³

¹ Чернышевский Н. Г. Заметки о журналах. Май 1856 г. — Полн. собр. соч. М., 1947, т. 3, с. 653—660.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч. М. — Л., 1962, т. 5, с. 12. Чернышевский также писал: «Статья г. Филиппова безвозвратно осуждена не нами одними, а всею публикою» («Заметки о журналах. Декабрь 1856». — Полн. собр. соч. М., 1948, т. 4, с. 691).

³ Добролюбов Н. А. Собр. соч. М. — Л., 1963, т. 6, с. 267.

Я думаю, что откликом на статью Т. Филиппова в той ее части, где речь идет о значении Жорж Санд, является следующее место в стихотворении Некрасова «Папаша» (1859):

Может быть, ведомо вам,
Что за границей местами есть воды,
Где собирается множество дам —
Милых поклонниц свободы,
Дам и отчасти девиц,
Ежели дам, то в замужестве несчастных;
Разного возраста лиц,
Но одинаково страстных,—
Словом, таких, у которых талант
Жалкою славой прославиться в свете
И за которых Жорж Санд
Перед мыслителем русским в ответе.

(II, 40)

В части же воззрений на отраженный в фольклоре народный быт статья Филиппова получила отпор в стихотворении Некрасова «Катерина».

3

Тертий Филиппов выделил в народной песне стих «Потерпи, сестрица! потерпи, родная!» как выражение христианского «смиреномудрия», а Чернышевский со своей стороны утвердил этот стих как формулу того рабского мировоззрения, из-под власти которого он стремился освободить народ. В отличие от славянофилов, революционные демократы не воспринимали народ как единую, «соборную» личность и творчество народа как единый поток. Они старались взрастить в народном сознании ростки революционного протеста и вырвать из него плевелы рабских мыслей и чувств.

Совет «потерпи», обращенный к представителю народа, отвергался Некрасовым как призыв к примирению с рабством. Вспомним контексты слова «терпенье» в стихах Некрасова о крестьянстве:

Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

(I, 106)

Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей.

(II, 19)

Их нищета, их терпенье безмерное
Только досаду родит.

(II, 105)

То, что песня, цитированная Филипповым, — действительный продукт народного творчества, не заставило Чернышевского и Некрасова отнестись к ней примирительно. Здесь сказалось отношение революционных демократов к фольклору, хорошо характеризованное А. П. Скафтымовым в применении к Белинскому:

«Демократ и просветитель Белинский, в противовес реакционному фетишизированию фольклора, выдвинул иное, дифференцированное отношение к нему, соединенное с критикой таких его сторон, которые нужно было отвергнуть как патриархальный пережиток и наследие крепостнического порабощения, дикости, невежества... Белинский настойчиво указывал на присутствие в нем таких черт, которые были привнесены рабством и духовной косностью (грубость семейных отношений, дикое обращение с женщиной, отсутствие гражданского самосознания, суеверия и т. п.)».¹

Некрасов в своей поэтической практике базируется на прогрессивных элементах фольклора, отбрасывая реакционные. В стихотворении «Катерина» он отталкивается от того фольклора, который поднимали на щит славянофилы, отвергает и осмеивает реакционное сознание, сказавшееся в фольклоре, противопоставляет ему новое народное сознание.

Характерно построение стихотворения: оно делится на две равные части по 14 стихов в каждой: в первой части представлен реакционный тезис обыденной морали; во второй — он отвергнут и осмеян.

Содержание первой части — жалобы Катерины и ответы на эти жалобы. Ответы даны троекратным повторением одной и той же формулы. Формула эта частично взята из известного нам песенного стиха «Потерпи, сестрица, потерпи, родная». Но этот стих дан не сплошным текстом, а в виде параллельных начал соседних двустиший. Сплошным текстом он и не мог бы войти в размер «Катерины» с его мужскими рифмами, придающими стиху энергию и отчетливость, соответствующие необыкновенной лапидарности стихотворения. Параллельные начала стихов дают возмож-

¹ Скафтымов А. Н. А. Добролюбов о фольклоре. — «Литературный критик», 1936, № 2, с. 97—98.

ность создать варьирующие повторы. Троекратное повторение — традиционный прием народной лирики; Некрасов использует его для того, чтобы совет, обращенный к героине стихотворения, не носил характера случайного мнения, а явился формулой стойких, традиционных взглядов. Песенное обращение с жалобой к брату сохранено; брат назван первым, раньше отца и матери, — но вслед за ним с той же жалобой героиня обращается и к родителям, и к соседям; все они дают один и тот же совет, приобретающий тем самым характер безапелляционного приговора общественного мнения: «Потерпи!»

Это тот совет, который Третий Филиппов считал выражением подлинного братского сочувствия и которому Некрасов устами Катерины дает противоположную оценку:

Люди не жалеют — ни чужой, ни своей!

(II, 212)

Троекратный совет «потерпи» каждый раз подкрепляется сентенцией, которая до конца вскрывает рабскую основу женской доли в понимании патриархальной «жизненной мудрости»:

«Потерпи, родная, — старики твердят: —
Милого побой недолго болят!»

«Потерпи, сестрица! — отвечает брат: —
Милого побой недолго болят!»

«Потерпи! — соседи хором говорят: —
Милого побой недолго болят!»

И этой же сентенцией — «Милого побой недолго болят», но уже осмеянной, уже данной в ироническом звучании, стихотворение заканчивается. Таким образом, это изречение выдвинуто как основной тезис преодолеваемой и отвергаемой в стихотворении житейской мудрости.

Если Некрасов использовал песенный стих «Потерпи, сестрица, потерпи, родная», ставший в полемике формулой реакционно-славянофильского взгляда на семейные отношения, то естественно, чтобы и изречение, которым троекратно подкрепляется совет «потерпеть», было бы такой же фольклорной формулой, освященной в глазах славянофильствующих реакционеров народностью своего происхождения. Придумать реакцион-

ный афоризм и приписать его народу — вероятно, для Некрасова в этом был бы оттенок поклепа. Естественно предположить, что и вторая часть повторяющейся формулы — тоже фольклорного происхождения.

И в самом деле, так оно и есть. «Милого побои недолго болят» — не придуманная Некрасовым сентенция; это народная поговорка, имеющаяся еще в собрании Снегирева¹ и вошедшая в классическое собрание Даля, пристально изученное Некрасовым (как установили исследователи «Кому на Руси жить хорошо»). У Даля, расположившего поговорку по тематическим гнездам, эта поговорка включена в раздел «Любовь — нелюбовь» и окружена аналогичными поговорками: «Милый ударит — тела прибавит»; «Милый побьет — только потешит»; «Милого побои не на кости».²

Это именно те поговорки, которые выражали рабскую покорность жены мужу и должны были побуждать революционных демократов к борьбе с мировоззрением, вызывавшим к жизни подобный фольклор.

Вероятно, поговорка вместе со стихом песни и явилась зерном, из которого возник замысел стихотворения «Катерина»; можно думать, что и стиховой размер определен поговоркой «Милого побои недолго болят» (прочитанной с ударением на приставке в слове «недолго»).

Здесь то же отношение к поговорке, которое ярко сказывается в творчестве Щедрина настойчивой сатирической интерпретацией поговорок, выражающих смирение, терпение, покорность, страх: «выше лба уши не растут», «лбом стены не прошибешь», «плетью обуха не перешибешь», «с сильным не борись, с богатым не тянись», «сила солону ломит», «всяк сверчок знай свой шесток», «не суйся с суконным рылом в калашный ряд», «по одежке протягивай ножки» и т. п.

4

Героиня стихотворения «Катерина» не подавлена ни общими советами, ни поговорками, ни гневом мужа, ни его побоями. Задорным вызовом отвечает она сердитому мужу:

¹ Снегирев И. Русские народные поговорки и притчи. М., 1848, с. 223.

² Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957, с. 743, 744.

— Где была, там нету! так-то, мил дружок!

(II, 213)

Она не раба мужа и поэтому побои его принимает не с «бесмысленным, вечным испугом», а с насмешливым вызовом:

А и поколотит — не велик наклад:
Милого побои недолго болят!

(II, 213)

Это один из тех образов русской крестьянки в творчестве Некрасова, которые показывают ее сильной, мужественной, гордой несмотря на всю тяжесть ее доли. Эти образы появляются в творчестве Некрасова в 60-е годы, с усилением народной струи в его поэзии.

Среди многочисленных стихотворений 60-х годов, целиком или частично посвященных доле русской крестьянки («Коробейники», «Орина, мать солдатская», «Мороз, Красный нос», «В полном разгаре страда деревенская...»), есть одно, изображающее нравственные мучения женщины под гнетом жестокого патриархально-религиозного мировоззрения. Это — «Что думает старуха, когда ей не спится» (1862). Столетняя старуха «мечется на печи, охает, мается» в ужасе от сознания своей греховности. «Грехи» ее иллюзорны или ничтожны, но ей они представляются безмерными. Среди них есть такой:

С Федей-солдатиком чуть не слюбилася.

(II, 143)

Сознательная или бессознательная реминисценция этого в «Катерине»:

Есть солдатик Федя, дальняя родня,
Он один жалеет, любит он меня.

(II, 213)

Катерина слюбилась с «солдатиком Федей», но эта любовь не отравляет ее совести сознанием греховности, а радует Катерину, как просвет в ее печальной жизни. Любовь ее и Феде — это любовь равных людей, а не господина и рабы. В этой любви нет побоев, а есть сердечная искренность и подлинное сочувствие. Эта любовь дает Катерине силу на внутренний разрыв с постылым мужем.

Здесь сказались взгляды Некрасова на любовь и брак, характерные для всех революционных просветителей. Нет надобности останавливаться на них подробно. Они достаточно известны хотя бы по «Что делать?» Чернышевского. Для революционного просветителя в понятие свободы, основанной на «естественно-разумных» началах человеческой природы, входит свобода любви и свобода брака.

Любовь в изображении Некрасова — свободное чувство, сила и прелесть которого связаны с могучим обаянием свободы. Такой показана любовь в особенности в стихах с крестьянскими мотивами, в произведениях фольклорного стиля. Вспомним «Бурю», «На Волге», «Коробейников», «Горе старого Наума»...

Любовь людей из народа показана как любовь свободных и равных людей — и это связано с мировоззрением революционных просветителей. «Человеческие стремления», с которыми человек «рожден природою» и которые называются «братством, равенством, свободою», просыпаются в душе под влиянием «жизни вольных впечатлений» («Песня Еремушке»). В трудовом народе «человеческие стремления» пробуждает сама жизнь, более естественная, чем жизнь образованных классов.

Среди предшествующих «Катерине» стихотворений о любви и браке наиболее замечателен «Зеленый Шум», в котором Некрасов стремится показать, как в душе простого человека, расширяющейся и раскрывающейся навстречу миру по мере возрождения долго скованных сил весенней природы, — как в этой душе берут верх истинные, широкие и гуманные мысли над узкими, злыми, эгоистическими предрассудками.

Тут есть соответствие с идеями, развитыми Добролюбовым в известной статье «Черты для характеристики русского простонародья» (1860): «...следует строго различать в нем (в народе. — Б. Б.) последствия внешнего гнета от его внутренних и естественных стремлений, которые совсем не заглохли, как многие думают. Кто серьезно проникнется этой мыслью, тот почувствует в себе более доверия к народу, больше охоты сблизиться с ним, в полной надежде, что он поймет, в чем заключается его благо, и не откажется от него по лени или малодушию. С таким доверием к силам народа и с надеждою на его добрые расположения можно действовать на него прямо и непосредственно, чтобы вызвать

на живое дело крепкие, свежие силы и предохранить их от того искажения, какому они так часто подвергаются при настоящем положении вещей».¹

Если Некрасов и обращается к крестьянской женщине со словами:

Ты вся воплощенный испуг,
Ты вся вековая истома,—

(II, 110)

то в то же время он ищет в народной жизни такие женские типы, которые предвещают исход из состояния «воплощенного испуга», типы, в которых сказывается стремление к свободе и протест против гнета и насилия.

Эти типы жадно искала в литературе революционно-демократическая критика, поднимая на щит и те образы, которые не вполне подходили к идеалам революционных просветителей. Вспомним добролюбовскую интерпретацию Катерины — героини «Грозы» Островского. Эта героиня не обладает и начатками «естественно-разумного» мировоззрения; зато она обладает, по словам Добролюбова, «силой естественных стремлений человеческой природы».²

Быть может, по ассоциации со статьей Добролюбова возникло самое заглавие стихотворения Некрасова. В нем ведь есть некоторая странность: в тексте стихотворения Некрасова героиня не названа; к чему же нужно в этом случае сообщать читателю посредством заглавия, что героиню зовут таким-то, а не каким-либо иным именем? Не ассоциировалось ли имя Катерина (именно в этой, народной форме) после статьи Добролюбова с типом новой женщины из народа, «лучом света в темном царстве»?

Обрисованная немногими скупыми штрихами героиня лаконичного стихотворения Некрасова — это тип «нового человека» в народе. Она смело идет против общего мнения, против общества, исповедующего религию терпения, у нее есть убежденность в своей правоте, дающая ей силу на семейный разлад, на свободную любовь, на насмешку над попреками и побоями. В глазах революционных просветителей поведение Катерины — это борьба с несправедливыми, неестественными, насильственными семейными отношениями, являющая-

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 6, с. 278.

² Там же, с. 351.

ся частью революционной борьбы против насилия над человеком вообще. За презрением Катерины к побоям мужа стоит презрение ко всему тому строю жизни, который держится на побоях, основа которого — грубое насилие. Борьба Катерины входит в широкую сферу борьбы угнетенного народа против насилия угнетателей.

Создавая образ Катерины, как и другие свои крестьянские образы, Некрасов отталкивался от реакционного фольклора и опирался на то, что было ему близким в народном творчестве. Ведь в том же собрании пословиц Даля, рядом с пословицами о смирении жены перед мужем, о покорности мужу, помещены и такие: «Под руки свяжет, и голову свяжет, а сердце не свяжет»; «Крестом любви не свяжешь»; «Бояться себя заставишь, а любить не принудишь»; «Всяк страх изгоняет любовь».¹

Ведь рядом с песнями «о вечном терпении» раздавались задорные песни, полные удали и кипучей, уверенной силы. Ведь и в народной песне женщина далеко не всегда была подавлена волей грозного мужа, о котором пелось:

Хоть косись, не косись, не боюсь я тебя² —

или:

Уж я мужнину грозу в узелочек завяжу,
В узелочек завяжу, в уголочек положу,
В уголочек положу, а сама гулять пойду.³

Авторитетный исследователь русской песни И. Н. Розанов пишет:

«Достаточно просмотреть хотя бы предметные указатели к томам «Великорусских народных песен» Соболевского, чтобы убедиться, что на одну песню о женщине покорной, терпеливой и пассивной приходится десять о женщинах, не мирящихся с домостроевским укладом, натурах активных, ищущих выхода из своего положения и нередко находящих его. Если героем русской песни является удал добрый молодец, то излюбленной их героиней оказывается не кроткая, молчаливая и терпеливая страдалница, а бойкая, смышленная, энергичная и по-своему удалая молодка, под стать доброму молодцу.

¹ Даль В. Пословицы русского народа. М., 1862, с. 822.

² Народные русские песни из собрания П. Якушкина. СПб., 1865, с. 144.

³ Великорусские народные песни. Изданы проф. А. И. Соболевским. СПб., 1896, т. 2, с. 123.

(...) Вместо умерщвления плоти, проповедуемого духовно-нравственной литературой, провозглашается радость полнокровного бытия. Жажда личного счастья, желание любить не по указке других, а по собственной воле и выбору — вот основной мотив не только любовной, но семейно-бытовой народной лирики».¹

Третий Филиппов умилялся, как мы видели, «кроткой покорностью судьбе» женщины. Катерина называет своего мужа «лихой», — эпитет, который здесь, как обычно в фольклоре, значит «злой», «вредный». Но Т. Филиппов делает свой тенденциозный вывод на основании случайного варианта песни, которая имеет и варианты с эпитетами, близкими по смыслу к Некрасовской песне:

Четвертая зазнобушка — муж удала голова,
Муж удала голова — пьет, гуляет от меня.²

Или:

А и третья заботушка:
Муж удала головушка,
Замотайло-замотайлушка,
Замотал мою головушку.³

Некрасов недаром назвал «Катерину» песней. Она широко насыщена приемами народной песни, в особенности повторами и параллелизмами. Я уже указывал на трехкратное повторение с вариациями центрального двустушия (стихи 9—14). Многие стихи, раздвоенные цезурой, построены по принципу параллелизма полустуший, например:

Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит...
Он один жалеет, любит он меня...

Станет горячиться, станет попрекать...
и т. п.

Это создает песенные интонации.

Но «Катерина» не только песня, но и рассказ, не только лирическое выражение чувства, но и реалистический показ действительности. Ведущееся от лица

¹ Розанов И. Н. Борьба с «Домостроем» в народной лирике. — В кн.: Проблемы реализма в русской литературе XVIII века. М. — Л., 1940, с. 190.

² Песни крестьян Владимирской и Костромской губерний, собранные Александром Смирновым. М., 1847, с. 18.

³ К о х а н о в с к и й Н. С. Несколько русских песен. — «Русская беседа», 1860, № 1, с. 95.

крестьянки, стихотворение полно бытовых крестьянских интонаций и фраз. С песенными формулами «вянет красота», «лихой муж», «мил дружок» переплетаются идиомы разговорного просторечия: «нет в дому житья», «что ни попало», «где была, там нету», особенно в конце стихотворения, где целые стихи состоят из таких идиом:

Пусть его бранится, мне не привыкать!..
А и поколотит — невелик наклад...

(II, 213)

В диалоге ярко рисуются образы грубого мужа и смелой жены:

«Где ты пропадала?» — спросит муженек.
«Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь!»
— «Ах ты, дура баба! ты еще и врешь...»

(II, 213)

Прозаизмы не лишили стихотворение песенного характера. Как уже сказано выше, «Катерина» вошла в репертуар народной песни. С начала 80-х годов стихотворение включалось в песенники. Оно положено на музыку Цезарем Кюи, но в народе пелось на более простой мотив неизвестного автора.¹

Используя в своей поэзии устное творчество народа с такой интенсивностью, как ни один другой русский поэт XIX века, творя новую народную песню, Некрасов смело вводит в нее новые мотивы и способы разработки. По мысли Н. П. Андреева, «задача Некрасова заключается не в том, чтобы следовать за фольклором, воспроизводить фольклорные образцы, а в том, чтобы, пользуясь фольклорными приемами и делая тем самым свои произведения доступными крестьянству, воздействовать на крестьянское сознание, будить и прояснять его, создавать новые произведения, которые могли бы войти в песенный обиход и таким образом сделаться средством пропаганды революционных идей».²

¹ См. комментарий В. Е. Гусева в кн.: Песни и романсы русских поэтов. М.—Л. (Б-ка поэта, Б. с.), 1965, с. 1039.

² Некрасов в русской критике, с. 174.